

В отличие от предков Цзян, бывших основателями династии и заслуживших боевые титулы, род Ци принадлежал к сословию служилой знати, пробившейся через горнило императорских экзаменов. И хотя титулов они не имели, при дворе числились способными и верными слугами престола. Пусть их дом и не ломился от сказочной роскоши, это была почтенная семья потомственных книжников и ценителей ритуалов.

Дед Ци Хэли в своё время удостоился звания банъяня и дослужился до великого наставника, отец сдал экзамен на степень цзиньши, а старший брат, Ци Фэнцзю, с малых лет прославился выдающимся умом. В тот год, когда Цзян Мэнчжэнь приехал в поместье Ци, шестнадцатилетний Фэнцзю как раз сдал провинциальные экзамены, заняв первое место и став цзеюанем. Глава семейства, старый господин Ци, тоже пошёл на повышение, сменив скромную должность редактора Академии Ханьлинь на пост вице-министра ритуалов. Для дома Ци настали поистине золотые дни. Однако всё это великолепие не имело к Ци Хэли никакого отношения. Обыкновенный побочный сын, рождённый наложницей, он проводил дни в праздности: дрался и якшался с молодыми актёрами да безродными слугами. Никто не чаял, что он прославит предков или укрепит величие рода.

Цзян Мэнчжэнь приехал погостить в поместье Ци с благословения супругов маркиза Цзянлин и своей старшей сестры, новоиспечённой княгини Цзинь. Гость знатный, издалека, да ещё и родственник — на приветственном домашнем пиру его следовало бы познакомить со всеми домочадцами. Но госпожа Ци так сильно пеклась об этом, что до смерти боялась, как бы невоспитанные побочные сыновья не оскорбили драгоценного гостя своим неотёсанным видом и не внушили ему отвращения к дому Ци. По её воле Ци Хэли вместе с третьим молодым господином и близнецами — четвёртым молодым господином и самым младшим гзером — лишь на миг ввели в залу под надзором няни, просто чтобы показать лица.

Хэли стоял, понутив голову. Сквозь плотное кольцо слуг до него донёсся чистый, звонкий голос старшего брата:

— Это ваш двоюродный брат из семьи Цзян — Цзян Мэнчжэнь. А там стоят младшие.

Ему ответил другой голос — мягкий, журчащий тёплым смехом:

— К чему такая строгость? Почему бы им не сесть с нами?

— Малы ещё совсем, — отмахнулась госпожа Ци. — Вертятся как обезьяны, на месте не удержать. Пускай бегут играть.

Стоило ей повести рукой, как детей тут же увели. Ци Хэли успел разглядеть лишь бледно-жёлтый край чужого халата. Он гадал: неужели этот человек, разговаривая со старшим братом, улыбался так же тепло и красиво, как тогда, под стеной?

У самых дверей они столкнулись нос к носу с законной старшей сестрой, Ци Цюэцяо. Близнецы на руках у нянек запищали тонкими голосками:

— Старшая сестра...

Но Цюэцяо даже взглядом их не удостоила. Она лишь весело крикнула куда-то вперёд:

— Братец Цзян наконец-то приехал! Как долго я ждала!

Повеяло тонким цветочным ароматом, и яркий девичий силуэт скрылся за порогом залы.

Вернувшись в покои наложницы Чжоу, своей матери, Ци Хэли сел на лавку и замер.

«Так его зовут Цзян Мэнчжэнь, — думал он. — Какое красивое имя. И голос... чудесный».

Мальчика было не узнать: обычно он и минуты не мог усидеть без дела — то кузнечиков ловил, то собак дразнил, то на крыши карабкался. Наложница Чжоу сидела перед зеркалом, накладывая белила и румяна, и не обращала на сына внимания. Когда-то, родив мальчика, она надеялась с его помощью укрепить своё положение в доме и утереть нос законной супруге. Но Ци Фэнцзю сиял впереди подобно бесценному нефриту, а её собственный сын рос тугодумом, не выказывая рвения к наукам. Разочаровавшись, она предоставила Хэли самому себе.

Когда в доме зажгли светильники, пожилая служанка принесла резной сандаловый ларец. Внутри на шёлке покоилась пара нашейных обручей — один золотой, другой серебряный. Женщина передала, что это подарок молодого господина Цзяна для второго молодого господина.

Ци Хэли так и подпрыгнул на месте. Счастье переполнило его. Он торопливо нацепил оба обруча на шею и бросился к зеркалу, сияя от радости.

«Неужели он узнал меня в зале?» — промелькнула робкая мысль.

Вглядевшись в отражение, он вспомнил свою чумазую, измазанную углём физиономию под стеной. Стыд и досада разом смешались с ликованием. За несколько часов двенадцатилетний Хэли пережил такую бурю чувств, какой не знал за всю жизнь. Его бедное сердце металось из крайности в крайность, то замирая от восторга, то сжимаясь от смущения, и он уже совершенно себе не принадлежал.

На следующее утро приятели-слуги по обыкновению прибежали звать его играть. Домашний учитель сквозь пальцы смотрел на их шалости. Старший брат Хэли давно стал цзяньшэном Государственной академии Гоцзыцзянь, а остальные отпрыски Ци к наукам способностей не выказывали. Их учили грамоте лишь для того, чтобы они умели связать пару слов и не позорили почтенное имя потомственных книжников.

Мальчишки махали ему из-за окна, но Хэли даже не подумал сбежать с урока. Уткнувшись подбородком в сложенные на парте руки, он задумчиво перебирал пальцами висящие на шее обручи.

Старый учитель, прикрыв глаза, тягучим, напевным голосом читал строки из «Шицзин»:

— «Персик цветёт, молодой и прекрасный, алым пожаром бутоны горят. Дева пойдёт в дом супруга, и лад воцарится в семейном гнезде...»

Этот мерный, баюкающий напев заставил Хэли впервые в жизни вслушаться в древние стихи. Ему вдруг показалось, что эти слова рождаются в его собственной груди — настолько точными и живыми они были. Казалось, замени хоть один иероглиф, и это хрупкое чувство рассыплется.

Он выпрямился и — невиданное дело! — принялся внимательно слушать, листая потрёпанную книгу. Сидевший рядом двоюродный брат прыснул со смеху и тихонько съязвил:

— Никак в нашем доме зреет ещё один великий книжник? И когда же ты отправишься в Гоцзыцзянь, а, братец?

Хэли злобно зыркнул на него и показал увесистый кулак. Тот поспешно втянул голову в плечи, но напоследок всё же презрительно закатил глаза.

Все двенадцать лет своей жизни Ци Хэли оставался неотёсанным куском дикого камня, пребывающим во тьме невежества. Но стоило ему увидеть Цзян Мэнчжэня, как в нём пробудился разум.словно невидимый скульптор удар за ударом высекал в его душе черты человеческого духа, открывая запертые доселе чувства и являя миру живую душу.

Вскоре княгиня Цзинь прислала за Цзян Мэнчжэнем повозку, приглашая его вместе поехать в поместье графа Юньяня на праздник любования цветами.

— Сестра, хорошо ли князь относится к тебе? — тихо спросил Цзян Мэнчжэнь.

Они со старшей сестрой были дружны с самого детства и походили друг на друга тонкими чертами лица. Сейчас, когда они шли под руку по дорожкам сада, казалось, сама весна поблёкла рядом с их красотой.

— Князь Цзинь — человек благородного происхождения, но при этом на редкость мягкий и добродушный, — с улыбкой ответила Цзян Мэню, и на её щеках показались очаровательные ямочки. — Он очень ласков со мной.

Мэнчжэнь облегчённо улыбнулся и шутливо заметил:

— И только-то? Что-то мне подсказывает, одним лишь «ласков» дело не ограничивается!

— Уж больно ты догадлив! — шутливо пожурив его Мэню.

Она прикрыла рот широким рукавом и заговорщицки прошептала:

— Скажу тебе по секрету... он сегодня сам подводил мне брови.

— То-то я гляжу, они выведены столь искусно, — Мэнчжэнь притворно покачал головой. — Настоящие «далёкие горы в туманной дымке», не иначе.

— Полно тебе зубы заговаривать. Лучше поведай, как тебе живётся у тётушки? Я слышала, старший молодой господин Ци — юноша на редкость благородный и одарённый. Если между вами сладится, то в будущем вас ждут стихи, вино да учёные забавы. Разве это не приятнее, чем подводить брови?

Мэнчжэнь опустил ресницы.

— Тётушка очень добра ко мне. Что же до старшего молодого господина... мы строго соблюдаем приличия и почти не разговариваем.

— С твоим происхождением и красотой ты мог бы претендовать на руку любого знатного господина или даже принца, — Мэню остановилась под кустом белой бегонии. Она повернулась к брату и нежно поправила выбившуюся прядь на его плече. — Но я ведь знаю твоё сердце. Ты всегда мечтал о такой же чистой, преданной любви, какая связывает наших отца и матушку. Только помни, Мэнчжэнь: в подлунном мире легко отыскать бесценное сокровище, но куда труднее встретить верного супруга. Все эти князья да вельможи окружены толпами жён и наложниц. А вот в таких семьях, как Ци, вполне можно найти человека с твёрдым характером и родственной душой. Такой союз принёс бы тебе счастье и ничуть не умалил бы твоего достоинства. Впрочем, торопиться некуда, присмотришься хорошенько. Главное — помни, чего хочет твоя душа.

— Сестра, — Мэнчжэнь взглянул в её тёплые, ласковые глаза, чувствуя, как на душе становится тихо и спокойно. — Я всё понимаю.

Мэню легонько похлопала его по ладони:

— Ну пойдём. Обе супруги графа Юньяня накрыли столы на верхних террасах павильона.

— Две супруги? — удивился Мэнчжэнь. — Но как такое возможно?

— Одну граф возвёл в статус законной жены из наложниц, а вторую взял позже в качестве равной супруги, — Мэню недовольно покачала головой. — В приличных семьях не принято делать наложницу хозяйкой дома, а уж двоежёнство и вовсе презирается благородным сословием. По закону домом должна управлять одна главная жена. Если равная супруга лишена власти, то какая же она равная? А если хозяйничать начнут обе — в усадьбе воцарится хаос. Это же курам на смех!

— А что случилось с первой, законной женой графа? — спросил Мэнчжэнь.

— Говорят, тяжело рожала законного наследника, подорвала здоровье и через пару лет преставилась. Мальчик остался сиротой, и доля его незавидна. Обе мачехи успели родить графу по сыну, так что бедному первенцу теперь и приткнуться негде. Живёт как на пороховой бочке, шагу ступить боится.

За разговором они вышли к гостям. По негласному согласию брат с сестрой умолкли и принялись обмениваться любезностями с приглашёнными.

Обе хозяйки вечера и впрямь всю соперничали друг с другом, стараясь затмить соперницу роскошью нарядов и убранства. Слуги окончательно сбились с толку, не понимая, чьи приказы выполнять. Один раб тащил резную нефритовую пиалу с пионами, другой бережно нёс коралловую ветвь, украшенную семью сокровищами. Не разойдясь на повороте, они со всего маху налетели друг на друга. Раздался звонкий треск, и драгоценные камни дождём посыпались на каменные плиты.

Лица обеих супругов графа мгновенно потемнели, а гости неловко переглянулись. Положение спасла одна из приглашённых приживалок — девица острая на язык и сообразительная. Она тут же выступила вперёд и звонко заговорила, разряжая обстановку:

— Все в Поднебесной твердят о богатстве столицы и роскоши благородных домов, но лишь сегодня мне довелось воочию узреть, как здесь без тени сожаления устилают полы нефритом и жемчугом! На праздниках цветов исстари принято слагать парные стихи. И мне, простой невежде, подумалось: а ну как кто-нибудь из почтенных гостей сумеет в одном лишь двустишии выразить всё великолепие графских палат? Если этот стих разойдётся среди людей, он и нам, простым смертным, откроет глаза на истинное величие!

— Льстивых речей мы наслушались вдоволь, но за находчивость девицу стоит похвалить, да и затея любопытная, — подала голос самая почтенная гостья, пожилая супруга графа Уяна. Она повернулась к Мэню: — Княгиня Цзинь, как вам такое предложение?

Мэню благосклонно кивнула:

— Прекрасная мысль.

Помимо знатных матрон, за столами сидели молодые барышни и законные сыновья-гэеры из

лучших семейств столицы. Многие из них так и горели желанием блеснуть умом, прослыть искусными стихотворцами и привлечь внимание влиятельных хозяек, присматривавших невест и мужей для своих сыновей.

Один из гостей поднялся и, указав на рассыпанные по полу золотые украшения и осколки нефрита, продекламировал:

— «Ветер колышет золотые листья лотоса, дождь барабанит по изумрудным бананам».

Гости дружно захвалили смельчака. Следом поднялись ещё несколько человек. Их стихи так и ломились от пышных сравнений с золотом и серебром.

Вдруг сидевший подле старой графини Уян хрупкий, миловидный гэер повёл своими блестящими тёмными глазами и тоже поднялся с места. Чистым голосом он произнёс:

— «Тело воздушно, но тяжёк золотой пояс; в лени и неге прохладен нефритовый подголовник».

— Прелестно! — весело рассмеялась Мэню.

Она знала, что её брат терпеть не может привлекать к себе лишнее внимание, но сейчас, когда он только-только прибыл в столицу, ему необходимо было заявить о себе в высшем обществе.

— Мой младший брат тоже немного смыслит в поэзии, — добавила она с мягкой улыбкой. — Пускай и он попробует свои силы. Мэнчжэнь с детства застенчив, так что коли выйдет не слишком складно — не судите строго.

— Ну что вы, княгиня, — поспешила вставить равная супруга графа Юньяня. — Молодой господин Цзян Мэнчжэнь порадует нас изящным слогом. Мы с нетерпением ждём его стихов.

Цзян Мэнчжэнь поднялся со своего места. Солнце уже клонилось к закату, но ещё не скрылось за горизонтом. Внизу, под террасой, слуги уже зажигали первые фонари. В памяти Мэнчжэня всплыли старинные строки: «Сумерки пали, в дворцах зажигаются свечи, лёгкий дымок проникает в покои вельмож...» Какая величественная картина увядающего дня!

Он посмотрел на гаснущее небо и негромко произнёс:

— «Песни под шэн затихают в глубинах усадьбы; свет угасает, сходя с высоты галерей».

Эти слова не звенели дешёвым золотом и не слепили блеском камней, но дышали тем истинным, небрежным величием, что рождается лишь в древних и славных родах.

Гости изумлённо захлопали в ладоши:

— Не зря говорят, что дом маркиза Цзянлин — колыбель истинной знати! Нам вовек не подняться на такую высоту!

Сидевший у ног старой графини Уян молодой гэр отбивал ладони так усердно, что они у него так и заалели. Он глядел на Мэнчжэня сияющими, восторженными глазами, похожий на дикого лесного оленёнка — искреннего и трогательного. Мэнчжэнь мягко улыбнулся ему в ответ. В этот миг оба поняли, что непременно станут друзьями.

Когда гости начали разъезжаться, юноша и впрямь нагнал его у повозки княгини Цзинь. Он вежливо поклонился Мэнчжэню и торопливо заговорил, смущённо переводя дыхание:

— Я младший гэр графа Уяна. Увидев вас сегодня, господин Цзян, я преисполнился такой радости! Если бы мы расстались, не обмолвившись и словом, я сокрушался бы всю жизнь. Простите мне мою дерзость и навязчивость, умоляю!

— Что вы, ничуть не посягнули! — поспешил успокоить его Мэнчжэнь, возвращая поклон. — Я и сам всем сердцем желал познакомиться с вами и как раз собирался просить сестру представить нас друг другу.

— Какое счастье, значит, я не зря поспешил! Вы тоже любите стихи? Меня зовут У Сисчунь, а моё второе имя — Таюань. А у вас есть второе имя, господин Цзян?

Мэнчжэнь покачал головой:

— Увы, пока нет.

— Позвольте же мне придумать его для вас! — воскликнул Сисчунь с той простодушной восторженностью, которая выдавала в нём натуру поэтичную и упрямую. Он уже видел в Мэнчжэне близкого друга. — Думаю, имя Хуасюй подойдёт вам как нельзя лучше. Ведь только в мифической стране грёз Хуасюй да на склонах священной горы Гушэ водятся столь дивные создания!

— Полно вам, я вовсе не заслуживаю столь высоких сравнений, — Мэнчжэнь мягко взял его за руки. — Я сейчас гошчу в поместье вице-министра Ци, супруга которого приходится мне тётушкой. Через пару дней я непременно пришлю вам приглашение, и вы просто обязаны навестить меня.

— С радостью побежал бы за вами прямо сейчас! — Сисчунь преданно заглянул ему в глаза.

Они поговорили ещё немного, как вдруг откуда-то из кустов раздалось тихое кошачье мяуканье. К их ногам выкатился пушистый белоснежный комочек и принялся ласково тереться

об их сапоги.

— Ой, какое чудо! — Сисчунь тут же подхватил котёнка на руки и спросил у проходящего мимо слуги графа Юньяня: — Скажи, братец, это ваш домашний любимец?

Слуга почтительно поклонился:

— Отвечаю молодому господину: в нашем поместье отродясь такого зверя не водилось.

— Ну, тогда я забираю его себе! — весело воскликнул Сисчунь.

В этот момент слуги из его собственного дома принялись настойчиво звать его к карете. Сисчунь шутливо помахал Мэнчжэню мягкой кошачьей лапкой и, бросая полные сожаления взгляды, поспешил вслед за провожатыми.

<http://bllate.org/book/19598/2002397>